

УДК 913(571.150)+33:94(571.150)

ББК 63.218+65.03(2Рос-4Алт)

Образ торгово-экономических отношений населения юго-восточных предгорий Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX в.*

К.Е. Стрелец, Д.С. Бобров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Image of Trading and Economic Relations of the Population of Altai South-East Foothills in Travelers» and Scientists» Writings in the XVIII — early XXth Centuries

K.E. Strelets, D.S. Bobrov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Статья представляет собой опыт реконструкции историко-географических образов торговли как важной составляющей социально-экономических отношений населения юго-восточных районов Алтая в XVIII — начале XX в. Пространственная парадигма исследования базируется на категории «юго-восточные предгорья Алтая» — широкой полосе Верхнего Обь-Иртышья к юго-востоку и югу от истока Оби, вдоль которой происходили интенсивные контакты русского населения и инородцев. Авторы основываются на методологии гуманитарной географии и одного из ее частных направлений — имагинальной географии. Результатом анализа ключевых трудов ученых и путешественников, в той или иной степени посвященных Алтаю, стало выделение четырех типов историко-географических образов торгово-экономических отношений: синкретического, официального, предметно-рационального, этнографического. Полученные данные способствуют более глубокому пониманию природы торговых отношений в юго-восточных предгорьях Алтая, иллюминируют отдельные элементы формирования микрообразов локальных районов регионов, находящихся в фазе активного освоения.

Ключевые слова: имагинальная география; образ; торговля; предгорья Алтая; Верхнее Приобье; труды путешественников.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-40

В современной исторической науке происходит переоценка семиотического содержания и места пространственной парадигмы в структуре исторического

The article is an experience of reconstruction of historical and geographical images of trade as a part of socio-economic relations of citizens of Altai south-east regions in the XVII — early XXth century. Spatial paradigm of this research is based on the class of “Altai south-east regions”. This one is a wide band of the Upper Ob-Irtysh region located to the south-east and to the south from the Ob rise, the place of intensive contacts between Russian population and indigenous dwellers. The authors found on concept of humanitarian geography and especially on one of its direction — imaginative geography. The result of analysis of travelers’ key writings devoted to Altai is emphasizing of four types of history-geographical images of commercial and economic relations: syncretic, official, objectively-balanced, ethnographic. The data received promote keen understanding of the origin of trade relations in Altai south-east foothills. This illuminate separated details of microimages organization of local regions which are situated in a phase of active exploration.

Key words: imaginative geography, image, trade, Altai foothill, the Upper Ob region, travelers’ writings.

процесса. Территориальная динамика отдельных регионов или даже целых стран рассматривается не только как самостоятельный предмет исследования, но все

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX в.».

чаще акцент делается на проблемах восприятия индивидуальным и общественным сознанием тех или иных параметров географических пространств, их интерпретации в человеческой деятельности [1, с. 26–27]. Гуманитарная география, таким образом, становится важным инструментом воссоздания социально-исторического регионального ландшафта [2, с. 44]. В контексте этого направления наибольшим эвристическим потенциалом обладают области интенсивных контактов автохтонных жителей с колонизаторами, поскольку в подобных фронтальных зонах [3, с. 3–6] создавались условия для взаимной передачи социокультурного опыта.

На юге Западной Сибири объектом, представляющим в этом свете едва ли ни ключевой интерес, является Верхнее Обь-Иртышье, а точнее, юго-восточные предгорья Алтая. Находясь на стыке Верхнего Приобья, переживавшего период наибольшей военно-экспансионистской активности в первой половине — середине XVIII в. [4, с. 91–94; 5, с. 40–67], и Горного Алтая, заселенного племенами традиционного социально-бытового уклада [6, с. 261–282; 7, с. 76–81], эти пространства на протяжении XVIII–XX в. выступали своего рода «зоной диффузии» рыночных механизмов и комплексного традиционного хозяйства местного населения. Именно экономика в целом и торговые отношения в частности являются ярким средством иллюминации интегральных взаимодействий русского населения и автохтонных жителей юго-восточных предгорий Алтая. Дополнительным фактором актуализации изучения социокультурных процессов региона выступает его роль в качестве транзитного пункта русско-монгольской и русско-китайской торговли [8; 9, с. 109–218].

Теоретической основой изучения торгово-экономических отношений в юго-восточных районах Алтая выступает дореволюционная историография. Будучи представленной трудами сторонников различных школ и направлений, она сосредотачивает в себе существенный аналитический потенциал. Вместе с тем чересчур широкая проблематика исследований, узость источниковой базы, абстрактность большинства суждений и умозаключений позволяют говорить о формировании историографией таких ментально-теоретических конструкций, как образы. В спектре разнородных историко-географических образов торговли в юго-восточных предгорьях Алтая рационально выделить четыре типа: синкретичный, официальный, предметно-рациональный, этнографический.

В XVIII в. в работах основоположников сибиреведения были заложены основы синкретичного образа торгово-экономических отношений. К числу его характерных черт относятся упрощенность, многолинейность, нерасчлененность семиотических составляющих. Синкретичный образ связан с восприятием

торговли на юго-востоке Алтая в контексте общесибирских экономических явлений.

Г.Ф. Миллер хотя и включил торговлю в описательный перечень основных занятий коренного населения Сибири, но рассматривал меновые операции в контексте протекания освоенческих процессов и общего развития экономики Сибири, не выделяя каких-либо региональных особенностей [10, с. 208–209]. И.Э. Фишер и И.Г. Георги в своих трудах предложили соответственно этнополитическую и этнографическую характеристики автохтонного населения юго-восточных областей Алтая, однако торговые отношения вовсе остались за рамками их исследования [11, с. 51–53; 12, с. 155–160].

Обращение к основным составляющим синкретичного образа наблюдалось и в XIX в. В.И. Вагинным был создан целостный, но довольно схематичный, упрощенный образ неразвитости торговли в Сибири до реформ М.М. Сперанского. При игнорировании локальных особенностей экономических отношений акцент делался на априорной важности развития товарного обмена в качестве необходимого инструментария успешного проведения законодательных изменений 1822 г. Аргументацией соответствующего подхода выступал тезис М.М. Сперанского о существовании в Сибири до 1819 г. двух систем: «Одну... можно назвать запретительной, другую — освободительной. Запретительную систему... вводили и всячески старались укоренить... чиновники полицейского управления. Системы свободной торговли просили... купечество, вообще промышленники и инородцы» [13, с. 320].

Ведомственной историографией XIX в. был сформирован официальный образ предгорий Алтая. Его основу составило нивелирование степени значимости торгово-экономических отношений в южных областях Верхнего Обь-Иртышья при повышенном внимании к определению места локальных районов в структуре производства Алтайского горного округа или формировании государственной границы империи на соответствующем участке. Образ являлся схематичным, практически вовсе не отражал содержание социально-экономических процессов в юго-восточных областях Алтая.

Чиновник по особым поручениям Кабинета М.И. Струков исходя из климатических, рельефно-ландшафтных и этнодемографических характеристик предложил разделить всю территорию Алтайского горного округа на два района — «западный и восточный». Системообразующим элементом так называемого восточного района выступали горы Алтайской горной системы и, в частности, Катунские белки, а также Бикатунское междуречье [14, с. 2–9]. Дальнейшая историко-географическая характеристика предгорий Алтая являлась скудной, а образ выстраивался через дихотомию, бинарную оппозицию восточного и западного районов. Территории юго-

востока представлялись малопригодными для жизни пространствами, где обитали лишь раскольники, сектанты, а также инородцы. Причем последние вели сложный для понимания образ жизни: «полуоседлый — полукочевой, а частью и бродячий» [14, с. 9]. Отдельные локальные районы Верхнего Приобья — левый и правый берега Бии, среднее течение Катуня ошибочно относились к числу незаселенных [14, с. 8; 15, с. 93]. Еще одним важным компонентом образа восточного района Алтайского округа у М.И. Струкова становилась сакральность, мистическая значимость Алтайских гор. Несколько раз при характеристике географических объектов чиновник обращался к религиозным верованиям и даже мифологии автохтонных жителей [14, с. 37–45].

Еще более схематичный, гипертрофированный образ юго-восточных областей Алтая синтезирован в «Кратком историческом очерке Алтайского округа», где население района Телецкого озера и предгорий XVIII в. характеризовалось как «дикари», при этом подчеркивались исключительные цивилизаторские усилия имперских властей по «замирению края» [16, с. 4]. Согласно очерку коренные жители предгорий подверглись частичной ассимиляции, и за длительный период им так и не удалось создать у себя систему торговых связей [16, с. 36]. М.И. Венюков население юго-восточных районов Алтая рассматривал в контексте его роли в формировании стратегической государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири. Автохтонное население Верхнего Обь-Иртышья оценивалось им как «варварское», а планомерное расширение военной экспансии (в том числе и в Верхнем Приобье в первой половине XVIII в.) рассматривалось в качестве адекватного ответа на угрозы «хищничества», т. е. постоянных набегов со стороны инородцев на русские укрепления [17, с. 3, 6, 9]. Любопытная мысль высказана полковником об альтернативном военной экспансии характере торговли в Прииртышье [17, с. 13].

Гораздо более полную, достоверную и объективную информацию о содержании торгово-экономических отношений в юго-восточных предгорьях Алтая заключает в себе предметно-рациональный образ. Он базируется на выделении торговли в качестве самостоятельного объекта исследования, прослеживании характера ее соподчиненности с экономической системой Верхнего Обь-Иртышья.

Многоуровневый, сложно-структурированный образ торговых отношений в Верхнем Приобье представлен в издании «Бийский уезд Томской губернии (топографический, экономический и этнографический очерк уезда)». Автор очерка В.П. Штейнфельд подчеркивал необходимость признания Бийска и Бийского уезда в качестве одного из экономических центров на юге Западной Сибири в начале XX в., а также стабильного поставщика продукции на си-

бирский рынок. Подчеркивалось разнонаправленное движение объемов оптовой и розничной торговли в юго-восточных районах Верхнего Приобья (в сторону спада и роста соответственно). На фоне развития структуры ярмарок торговля с инородцами в предгорных областях уезда приобретала второстепенный, придаточный характер. Интенсивность обмена детерминировалась В.П. Штейнфельдом близостью Уймонского и Чуйского трактов, а также крупных хлебозаготовительных сел района — Советского и Алтайского [15, с. 81–119].

Ю.А. Гагемейстер едва ли не ключевую роль в характеристике населения Сибири отводил инородческому компоненту. Описание образа телеутов было призвано обозначить иную цивилизаторскую ступень развития коренного населения — автохтонные жители юго-восточных районов Алтая в изображении Ю.А. Гагемейстера «вида изнуренного, ибо живут в крайней нищете и питаются преимущественно болтушкой ячменной, которую готовят на холодной воде» [18, с. 13]. Торговля в системе хозяйственной деятельности населения предгорий ставилась на второй план после земледелия [18, с. 158]. При звериной ловле и других промыслах на непосредственных окраинах инородцам требовались посредники, которые занимались бы сбытом товара. Ю.А. Гагемейстер усматривает прямую зависимость между увеличением потребности инородцев и скоростью попадания ими в зависимость от русских купцов [18, с. 516]. Однако в качестве локального торгового центра выступал Бийск, который специализировался на продаже табака.

Идея экстенсивного способа расширения торгового оборота между русскими и коренным населением Алтая была предложена Н.М. Ядринцевым. В ходе анализа причин возникновения торговли им отмечена своеобразная «фронтирность» — полоса соприкосновения русских купцов и телеутов-инородцев, вдоль которой происходили постоянно интенсифицировавшиеся торгово-экономические контакты. В оценке самого характера торговли Н.М. Ядринцев был строг и категоричен: она являлась «грабительской» в традиционной для историографии трактовке, т. е. изначально субъекты экономических взаимоотношений не обладали равноправным статусом. Русские купцы использовали различные методики постановки инородческого населения в долговую или обязательственную зависимость, в том числе и открытый угон скота с последующим созданием своеобразных «телятников» — загонов, где в роли пастухов выступали уже телеуты [19, с. 91]. Сопrotивление подобным действиям со стороны автохтонных сообществ было минимальным либо вовсе отсутствовало. Пассивная манера ведения торговых операций связана с особенностями традиционной системы построения социальных взаимоотношений у алтайцев. В соответствии с ней даже в случае потенциальной опасности,

которую могли таить экономические споры с русскими людьми, отступить от угрозы инородцам представлялось наиболее рациональным вариантом [20, с. 8]. При этом, как указывает Н.М. Ядринцев, меха, скот и другие товары покупались перекупщиками по ценам в 4–5 раз ниже рыночных. М.А. Брецинский усматривает причины столь неравноправного характера обмена в специфике развития дорожно-транспортной инфраструктуры региона, которая не позволяла телеутам находить выгодные и стабильные рынки сбыта, что заставляло их, в свою очередь, продавать свои товары в Верхнем Приобье «по сравнительно низкой цене, тогда как наоборот русские мануфактурные товары обходятся в нем (Верхнем Приобье. — *К.Е., Д.С.*) очень дорого» [21, с. 2].

П.М. Головачев акцентировал внимание на важной функции юго-восточных предгорий Алтая, и в том числе Бийского уезда как территорий взаимного транзита русских и китайских товаров. Фактически исследователем выделены два своеобразных локальных района, или «экономических коридора: через Укок в Кобдо, а также «Чуйская дорога, которая от Онгудая до Кош-Агача приспособлена для колесного движения». Торговля сохраняла свой бартерный характер, увеличения денежного оборота на протяжении всего XIX в. не наблюдалось [22, с. 329–330].

Среди факторов интенсификации торговых контактов в юго-восточном районе Верхнего Приобья во второй половине XIX — начале XX в. П.М. Головачев выделил не только железнодорожное строительство (игравшее решающую роль в экономических трансформациях всей Сибири), но и обозначил приоритет судоходства, особенно для Бии, причем как для низовий, так и для среднего течения реки [22, с. 335]. Однако последнее замечание имело мало общего с действительностью [15, с. 93].

Этнографический образ торговли в предгорьях Алтая предполагает выделение в качестве одного из аспектов исследования торговых операций коренного населения, которые, в свою очередь, рассматриваются в контексте общей структуры экономического быта инородцев, их хозяйственной деятельности. Образ строится на нивелировке торгово-экономического потенциала автохтонных жителей, приоритетном освещении негативных сторон торговли именно для местного населения

В работе В.И. Вербицкого представлены отдельные упоминания об элементах экономической куль-

туры алтайских инородцев, проживавших в Верхнем Приобье, юго-восточных предгорьях Алтая и непосредственно в Горном Алтае. Проводя параллель с процессом охоты при характеристике степени адаптации инородцев к ведению торговых операций, миссионер пришел к выводу об отсутствии у коренных жителей юго-восточного Алтая элементарных навыков ведения торговли, высокой вероятности совершения в отношении них мошенничеств [23, с. 16–18]. В такой ситуации участие инородца в торговой операции сводилось к минимуму: результаты своих промыслов он сдавал «таньшу-заимодавцу», который являлся посредником, отвозившим товар на Ирбитскую и другие ярмарки.

В.В. Радловым на широком этнографическом материале отмечено расслоение в инородческой среде предгорий Алтая на фоне постепенной интеграции в общеимперскую торгово-экономическую систему [24, с. 187]. При этом сама торговля играла второстепенную роль в жизни автохтонного социума. В.В. Радлов подчеркивал негативный характер влияния русских торговцев на повседневный быт и социально-экономическую жизнь жителей Алтая [24, с. 127, 191].

Г.Н. Потанин особое внимание уделил русско-монгольской торговле и скрупулезно проследил в ней роль бийских купцов [25, с. 50–52]. Рассуждая о низовом уровне торговых связей в юго-восточных районах Алтая, Г.Н. Потанин в формате этнографических описаний указывал на товары, в большей (например, кедровый орех, скот) или меньшей степени (лес) поставляемые на рынок Алтайского горного округа [26, с. 73].

Особенности протекания торгово-экономических процессов в юго-восточных предгорьях Алтая в специальной литературе XVIII — начала XX в. не получили освещения, соответствовавшего статусу проблемы. Формирование различных образов было связано со стремлением соподчинить торговые отношения с предметом конкретного исследования. В образном восприятии торговли все еще преобладали традиционалистские стереотипы, основанные на идее «дикости» или «полудикости», «отсталости» коренного населения юго-восточных районов Алтая; рациональные подходы, анализировавшие различия в уровне социально-экономического развития между автохтонным и русским населением, были выработаны в недостаточной степени.

Библиографический список

1. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. — 2010. — Т. 9, № 3.

2. Корнев И.Н. География и топонимика в контексте гуманитарного дискурса // Географический вестник. — 2014. — № 1 (28).
3. Резун Д.Я. Введение // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX в.: общее и особенное. — Вып. 4. — Новосибирск, 2005.
4. Исупов С.Ю. Роль Бийской крепости в военно-колонизационной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия Алт. гос. ун-та. — 2010. — № 4/3.
5. Огурцов А.Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. — Вып. 9. — Новокузнецк, 2007.
6. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII в. — Новосибирск, 1980.
7. Екеев Н.В. Проблема этнического состава коренного населения Алтая XVII — первой половины XVIII в. в отечественной исторической науке // Научное обозрение Саяно-Алтая. — 2012. — № 1 (3).
8. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.): монография. — Барнаул, 2003.
9. Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и степных областей во второй половине XIX века: из истории российско-азиатской торговли. — Барнаул, 2002.
10. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше. — М., 2009.
11. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. — СПб., 1774.
12. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1799. — Ч. 2.
13. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири в 1819–1822 гг. — СПб., 1872. — Т. 2.
14. Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества / сост. М.И. Струков. — СПб., 1896.
15. Бийский уезд Томской губернии (топографический, экономический, этнографический очерк уезда) / сост. В. Штейнфельд. — Бийск, 1910.
16. Краткий исторический очерк Алтайского округа (1741–1897). — СПб., 1897.
17. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии / Военно-ученый комитет Генерального штаба. — СПб., 1873.
18. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорскому Величеству повелению. — СПб., 1854. — Ч. 2.
19. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — Омск, 1880. — Кн. 2.
20. Из сообщения действительного члена Подотдела М.К. Барсова «О столкновении между калмыцким и русским населением в Горном Алтае» (о деле Чета Челпанова) // Отчет Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1904 г. — Барнаул, 1905.
21. Брецинский М.А. Исследование путей в Алтайском крае // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества. — Омск, 1881. — Кн. 3.
22. Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. — 2-е изд. — М., 1905.
23. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. Вербицкого / под ред. А.А. Ивановского. — М., 1893.
24. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. — М., 1989.
25. Смокотина Л.И. Г.Н. Потанин о целесообразности родиноведения в развитии русско-монгольской торговли в конце XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия: история. — 2011. — № 2.
26. Потанин Г.Н. Полгода в Алтае // Русское слово. — 1859. — № 9.